

БОЛЬШАЯ ЗЕМЛЯ

#2

ОГЛАВЛЕНИЕ

Слово от редакции.....	3
На одной планете... ..	4
Мы сохраним тебя.....	6
Борьба с застройками.....	9
Портрет.....	16
Стоп зооциду.....	17
Отчуждение природы.....	25
Стихия воды.....	28
Проклятие черной воды.....	32
Дикость.....	33
Ликбез: сланцевый газ.....	36
Памяти машиноборцев.....	39
Отрывок из романа "Степной Волк".....	51
Три цвета.....	61
Объявление: "Допоможіть Михалку".....	62

СЛОВО ОТ РЕДАКЦИИ

Свет увидел третий выпуск нашего журнала. А прошел всего год с того момента, как мы взялись за это дело. И в этот раз хотелось бы рассказать, что же произошло за все время.

Во-первых, мы, начиная с усилий двух человек, организовали, хоть и небольшую, но всё же группу. Теперь у нас есть люди, своя рассылка, собрания, устав, журнал. В общем, всё как полагается. Во-вторых, мы потихоньку начали заниматься намеченными делами. После весенне-летнего застоя стал делаться журнал. Стали организовываться какие-то мероприятия, посещение и поддержка их от лица организации. О нас теперь слышали, а некоторые даже знают. Несмотря на малое количество участников, мы начали готовить свое дистрибутив. У нас появилось много планов, проектов. Не сразу, но постепенно что-то воплощается в жизнь. В третьих, мы научились не огорчаться от того, что нас мало и все происходит медленно.

Увы, никакого пафоса в сказанном нет. Все эти вещи мы говорим вам, а особенно совсем молодым товарищам, для того, что бывы знали, что любое ваше начинание, при усердной работе, будет иметь свои плоды. И не унывайте, если результаты будут не сразу или они будут не такими значительными, как бы вам того хотелось. Дальше - больше!

На одной планете

На одной далекой небольшой планете каким-то образом сложилось вот такое разделение её жителей:

Первые мошенничают, нагло грабят планету и пятых. Отстегивают вторым, а живут, в основном, на других планетах.

Вторые брезгливо принимают свою долю у первых, при этом страдая их возможной немилостью и даже тюрьмой. Делают вид, что управляют планетой, закрывают глаза на то, что творят третьи, бросают подачки четвертым и безбожно врут пятым.

Одни третьи создают законы и правила для пятых, делая вид, что денно и ночью думают только о них и о процветании всей планеты. Другие якобы поддерживают порядок и обеспечивают условия для жизни пятых. А на самом деле у большинства из них все мысли только о том, как бы отобрать у последних последние. Побольше оттяпать от и так уже растерзанной, еле дышащей планеты и вовремя смыться на другую.

Четвертые облизывают первых, вторых или третьих, и делают вид, что одухотворяют и развлекают пятых. На самом деле смотрят на них, как звезды, очень свысока, а забавляются сами, не стесняясь петь, сочинять, снимать и ставить халтуру. Некоторые еще и выпячивают, где только возможно, свои разнообразные мерзости и «прелести», вплоть до гениталий, а думают только о том, как бы побольше хапнуть и послаще совокупиться.

Одни пятые, благодаря телеящику, изо дня в день слушают гово-

рильно третьих и пристально наблюдают за четвертыми. Благо те там уже почти что живут: готовят еду и пляшут, играют в детские игры и обустраивают свои жилища, разъезжаются по миру и отмечают юбилеи.

При встречах друг с другом эти пятые обязательно обсуждают и нехорошими словами ругают всех предыдущих, при этом до боли завидуют им.

А вот другие пятые честно и хорошо учат, строят, лечат, выращивают, с душой творят, делают открытия, по-настоящему дружат и любят. И, как могут, стараются сохранить собственное достоинство и просто выжить. Некоторым это удается.

Может, благодаря им, эта небольшая планета все еще продолжает свой путь.

А. Артемьев

МЫ СОХРАНИМ МЕНЯ

- Несколько лет назад тут была канава глубиной в полметра и длиной в полтора-два. Мы выкопали её, чтоб машины не могли проехать. Но кто-то из пикничников канаву сразу засыпал. Уж больно уютное это место, - рассказал мне мой товарищ в одну из моих первых поездок на Жуков Остров. Мы с товарищами поехали с палатками на ночёвку. Они решили не отступать от «традиций», и мы пошли на одно из «их» мест.

Место это было действительно очень уютное и тихое. На большой поляне растут полевые цветы и травы, старые и молодые дубки. Сама территория как полуостров, со всех сторон огибает пролив Днепра. Глубокий, прямо чайного цвета, присущего Днепру, пролив таит в себе столько таинственности, что все это место приобретает самые сказочные облики. В любое время года здесь красиво. В осеннюю пору тут волшебнее всего: багряная листва на деревьях, поздние полевые цветы, засохшие ароматные стебли трав, разнообразнейших размеров, форм и оттенков дубовые жёлуди. На этой части Жукова Острова стоит огромный деревянный стол и лавки. Идеальное место для гулянок. Сюда,

как, впрочем, и на все части Жукова Острова, съезжается быдло на джипах и празднует выходные, напиваются по православным праздникам и на первое мая.

Думаю, не стоит долго объяснять, к каким проблемам это приводит. Стоит описать масштабы этой проблемы. Сказать «много мусора» и «много машин» - ничего не сказать. Мусором устлано все, особенно пролив Коньки и Галерный залив на въезде на территорию полуострова. Доходит до того, что мусор вывозиться сюда целыми маши-

нами. Да-да, не отсюда, а именно СЮДА! Неоднократно я видела раздавленных и сбитых обитателей полуострова близ дорог, по которым ездят машины. А основными машинами здесь являются грузовики. Дело в том, что на территории полуострова находятся склады песка, который добывают в Днестре.

Проблема добычи песка в Днестре и его заливах – отдельная тема, которая уже не раз поднималась природозащитниками. Так, весной 2009 года, в мае, один природозащитник Александр Гончаров поплатился жизнью за освещение этой проблемы на телевидении. Тогда защитники интересов буржуев попросту, никого не стесняясь, ворвались в жилище Александра и его супруги и избили их. От полученных увечий Александр скончался, а его супруге пришлось уехать за границу, чтоб избежать возможных последующих репрессий.

К девяти дням смерти Александра анархисты и природозащитники устроили акцию захвата земснаряда, которым намывали песок в краях Жукова Острова. Акция прошла успешно и об этой проблеме стали говорить. Но, к сожалению, кардинально она ничего не изменила.

Спустя два года, в 2011 году, эти же ребята, будучи постоянными гостями полуострова, решили перекрыть дорогу для машин на небольшую его часть. И, как я говорила раньше, канаву каждый раз засыпали.

И вот, осенью 2012 года мы собрались и решили усовершенствовать уже нашу канаву. Вырыли мы ее глубже гораздо, шире и длиннее. Организовали два субботника. Всего несколько человек (но всё же местных жителей) откликнулись на наши зазывы.

Весной 2013 мы решили создать автономную территорию. Идея заключалась в том, чтобы объявить территорию автономной от государства. Таковой, на которую не может прийти чиновник, застройщик и прочий гад и устраивать там свои порядки. Тут все должно быть под контролем людей. Особенно жителей ближайшего жилого массива, поскольку именно они должны быть заинтересованными в охране при-

родных мест, где они отдыхают, фотографируются, купаются, ходят на прогулки с домашними питомцами, на пикники и прочее. Открытие этой природной территории мы приурочили к четвертой годовщине смерти Александра Гончарова, 26 мая. Так и назвали: Автономная Природная Территория им. А. Гончарова. Но из красивого названия, табличек и здравого замысла не получилось, в общем, ничего. Люди не пришли, таблички сорвали. А что самое обидное – так это то, что нас не поддержали даже наши товарищи.

Очередной попыткой привлечь внимание к проблемам Жукова Острова была организация субботника. Несколько недель назад мы поехали на жилой массив Корчеватое, что рядом с Жуковым, и расклеили объявления об общем собрании микрорайона, посвященному очистке и защите Острова. Приехав в назначенное время и место, мы обнаружили, что объявления сорваны, а люди не собрались. Ни одного сочувствующего.

Один мой знакомый живет в Корчеватом. Он сказал мне, что все, что мы делаем – зря. И эти сволочи (жители Корчеватого) сами загаживают природу и, естественно, никто не подумает приходить на собрание или субботник.

Прискорбно. Но, пожалуй, мы не опустим рук и будем продолжать стучать во все двери, чтобы нас слышали. Мы будем говорить и рассказывать много и долго, пока нас не поймут. Мы будем организовывать и убирать, чтобы подать пример, пока нам не помогут.

О. Волина

БОРЬБА С ЗАСТРОЙКАМИ

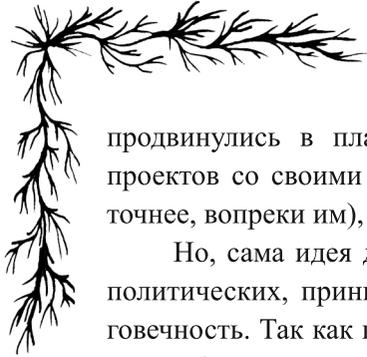
ЗСК

В Киеве, на фоне противодействия планам постройки капитального дома для жителей МИД на месте Пейзажной аллеи, появилась группа людей. Впоследствии, проводя различные акции по теме Пейзажной аллеи, группа сформировалась как ЗСК (Збережи старий Київ). Это была многообещающая, интересная, довольно аморфная инициатива.

Конец 2007 года - начало деятельности этой группы. Состояла она из людей различных взглядов. Либеральных, левых (разного толка), сочувствующих кому-либо из выше перечисленных. Было много людей, принимавших участие в конкретных акциях, организовывавших эти акции. Но сами люди не принадлежали к каким-нибудь политическим или природозащитным движениям. В этом многообразии были и свои прелести, и свои недостатки. Действовало на практике все так: кто-то писал о застройке, в рассылке обсуждали и организовывали акцию. Весной-летом 2008 года было очень много акций. Мероприятия были довольно резонансными, их показывали по телевидению, обсуждали в Интернете. Удалось достичь и нескольких громких побед.

Из больших минусов одним из самых важных был тот, что в акциях принимали участие именно так называемые “активисты”. Местные же жители, в местах непосредственных проблем, играли второстепенную роль. Таким образом, деятельность воспринималась как помощь откуда-то; как активисты, которые решают проблему тех, кто сам должен бы был самоорганизоваться и решить ее. Но, одним из самых больших преимуществ, тем, что действительно дало неслабый толчок для самоорганизации людей разных районов в борьбе с застройкой и вырубками зеленых территорий, было то, что многие благодаря Интернету и ТВ взяли за образец акции ЗСК. Именно агрессивный стиль блокирования техники, разрушения заборов, охраняющих будущую стройку. Благодаря деятельности ЗСК многие люди

продвинулись в плане строительства отношений и осуществления проектов со своими соседями и близкими. Абсолютно без властей (а точнее, вопреки им), зачастую без особых авторитарных лидеров.

Но, сама идея деятельности организации/инициативы без четких политических, принципиальных составляющих показала свою недолговечность. Так как во главу угла был поставлен “экшн”, стиль, без какой либо идеологической составляющей, то и притягательность этого для людей была на уровне “за все хорошее, против всего плохого”. И со временем происходило все больше конфликтов по теме правый/левый, анархист/либерал, коммунист/национал-демократ и т. п. Разногласия постепенно свели деятельность ЗСК после кульминационных мощных акций лета-осени 2008 года и некоторых тем 2009 года на нет. Остались несколько человек окололиберального, национал-демократического толка с табличкой “ЗСК”.

Сейчас правые и ультраправые элементы из партии “Свобода”, различные партийные “оппозиционеры”, вкупе с грантоедческими персонажами продолжают действовать в антизастроечном направлении, заданном ЗСК. Они, конечно, переиначивают смысл действий по своему скотскому образу и подобию. Пиарят свои партии либо отработывают гранты. Тем самым создают огромное количество уродливых наростов на деятельности инициативных групп, начавших эту борьбу. Некоторые местные, видя участие партий, надеются на то, что средства и ресурсы помогут им в борьбе. Зачастую, чего греха таить, помогают. И огромный минус успешных акций, в этом случае - то, что паразиты обретают в глазах людей вид защитников. И люди перестают верить в контрсистемные методы, в самоорганизацию, идя на поводу политиканов. А последние, помогая спасти от застройки, например, один гектар на Троещине, своей жизнедеятельностью уничтожают 100 гектаров на Нивках. Так как деятельность партий и просистемных организаций вписывается во власть и капитализм и ничего

не берется из ничего. Наглядный пример этому - партия "Свобода". В Киеве молодежь ее в авангарде "борців із незаконною забудовою", а во Львове, где партия имеет некоторый вес, ее участники сами лоббируют интересы крупных застройщиков.

Остается добавить к этому, что, несмотря на участие огромного количества таких вот пиявок на теле антизастрочечных движений, ключевую роль играют инициативы местных жителей или независимых (от власти/партий) участников. И движение будет развиваться. В наших руках делать его более революционным, природозащитным. И делать ставку на местных, не забывая о том, что в большинстве своем это довольно приличные, так сказать, простые люди. Многие с антипатиями к власти. С надеждами только на себя, своих близких и таких же, как они...

Об анархизации антизастрочечных инициатив

Жители, выходящие на протест за свой сквер, парк или придомовую детскую площадку проявляют самоорганизацию, самоорганизацию по месту жительства. Соседи зачастую на таких акциях знакомятся друг с другом, налаживают добрососедские связи, по новому смотрят на свои возможности управления придомовыми территориями. Это очень позитивные темы, на пути которых, однако, стоит много преград. А именно:

1. Активную роль в антизастрочечных группах играют зачастую те, кто имеет какой-либо опыт политической (политиканской) или гражданской деятельности. Что нередко приводит к тому, что эти люди становятся лидерами априори. Они развивают тему, ведут переговоры, общаются с другими активистами; а остальные остаются просто безликой массой. Либо же те, у кого есть средства, добытые зачастую эксплуатацией чужого труда или политиканством. Вплоть до того, что бизнес персонажа может развиваться на уничтожении природы или застройке где-либо, и за деньги с этого персонаж пытается защитить небольшой участок у себя под окном, исключительно для чувства комфорта.

2. Самодеятельные начинания благодаря местным «лидерам»,

интересам партийных/правых элементов переходят в русло агитации за «хорошие партии защитников народа» против «плохих партий застройщиков и барыг», как это нередко наблюдается сегодня.

Как можно противостоять этим тенденциям с безвластнической точки зрения?

1. Одновременно печатать материалы по развитию самоорганизации, противопоставляя жителям-людям труда застройщиков-капиталистов-державников. Раздавать материалы людям, по больше общаться вживую и в сети на тематических ресурсах.

2. Укреплять анархистские организационные структуры кроме всего прочего еще и для того, чтоб кроме обычных разговоров и агитаций про самоорганизацию/антикапитализм и борьбу с властью, можно было в случае чего, на своем примере показать сплоченность и стойкость в борьбе с конкретной проблемой.

3. Активными и агрессивными действиями привлечь к себе внимание молодежи, в первую очередь, молодежи среди местных жителей. Показывая красоту и силу анархистской практики.

4. Постоянно в разговорах и спорах с различными инициативами местных жителей твердить про вред партий в антизастроечной теме и рассказывать о примерах того, как победы были достигнуты самим народом, без представительственных структур. Для чего не помешало бы создавать базу таких вот примеров и периодически про некоторые из них напоминать в своих листовках, воззваниях и прочих материалах.

Одна застройка

2 октября 2008 г. в Киеве на улице Первомайского рано утром под конвоем кучи охранников, застройщик провез технику, чтоб построить холм возле студии звукозаписи. Жители протестовали, многих избили, пострадало несколько женщин. Полиция активно морозизи-

лась от каких-либо действий по защите жителей близлежащих домов.

Нами, несколькими участниками антизастроечного движения, было решено вечером устроить акцию против застройщика и охраны.

Встретились, набрав всяких инструментов и пожитков с собой. Купили кое-что и начали обзванивать товарищей, журналистов. Я, наверное, позвонил десяткам 4-5 человек. Ухо болело от телефона. Встретились в 18.00. Собралось всего около 30-40 человек, анархистов,

участников антизастроечных инициатив, сочувствующих. После работы подтягивались местные, коих собралось немало. Решили сделать баррикаду на въезде на объект. Пригнали мусорные контейнеры, позасовывали внутрь куски старой мебели, найденные во дворах соседних домов. Облили все бензином, подожгли; некие «пиротехники» сотворили какую-то смесь, полыхавшую «салютом». Под ободряющие крики решили валять забор. Залп камней и пейнтбольных гранат с нашей стороны и приступаем к сносу забора. Охрана отвечает тем же, бросая камнями и ветками.

Отгнав временно охрану, удастся демонтировать забор, паспорт застройки. Охрана, состоящая из ЧОПовцев, довольно кучно стоит. Всего их было, наверное, до 70 человек. Активно участвовали около 3-4 десятков. Мы по-

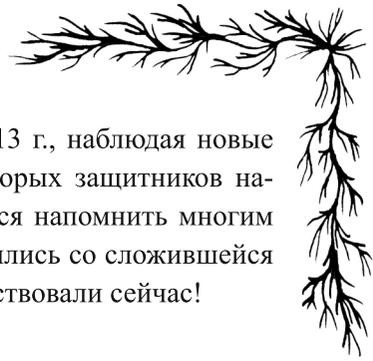

строились, человек 20, и под модное в те года околоспортивное «шаг!», «шаг!», «шаг!», двинулись на них с распиленными дровяками от лопат. А по бокам от нас шли местные и журналисты. Схватка. Одновременно происходит много чего: одного журналиста валят и

бьют, местные начинают бросать через нас в охрану камни и целые кирпичи, в стане охраны двухметровый громила так машет палицей, что к нему и не подступиться. Он ломает руку журналисту, вырубает одного нашего ударом по голове (наложили потом несколько швов). Местные звереют, как, впрочем, и все остальные. Полиция чуть ли не с помощью оружия становится между нами и охраной и потасовка заминается. Удастся только со всей силы швырнуть в лицо их основному вояке свой черенок. Местные стихийно принимают решение и голосуют, что застройке не быть, кричим оккупантам: «а ну-ка, давай-ка умятывай отсюда» и прочее. Пожарную машину подпустили к тушению баррикады, все еще горящей, только после окончания конфликта.

Застройку таки выгнали, на холмах устроили субботник, посадили деревья через неделю. После чего местные жители устроили пикник, позвав всех нас, прямо на отвоеванной территории. Гитара, разговоры, невероятные ощущения пусть относительно небольшой, но настоящей победы. Потом были разные юридические нюансы – лишение прав фирмы ЧОПа, фиктивные поиски полицией громилы, которого было жаль, так как все эти охранники тоже отчасти козлы отпущения. Если сравнивать их с заказчиками всего этого, то они просто разменная монета, и страдать в первую очередь должна мразь, которая управляет такими вот прожектками. Ну, это, впрочем, и так понятно.

После этой акции и нескольких подобных многие люди у себя в районах стали сами организованно противостоять застройкам и разрушениям скверов, детских площадок, парков. В этом и была самая глав-

ная заслуга нашей деятельности. И сейчас, в 2013 г., наблюдая новые очень мощные антизастроечные волнения, в которых защитников народа пытается корчить из себя правая тля, хочется напомнить многим участникам наших инициатив, чтобы они не мирились со сложившейся ситуацией, а поактивней и более осмысленно действовали сейчас!

Ж. Днепро́вский

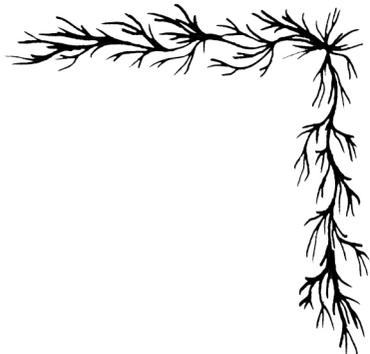

ПОРМРЕМ

, 2002

СМОТ ЗООЦИДУ

Выслушайте меня.

Я пишу о людях и событиях, относительно недавно свершившихся. Большинство персонажей тех событий по сей день вертятся где-то вокруг нас, потому неуместно называть некоторые фамилии, да и клички с псевдонимами. Но рассказать о них стоит – потому что это страницы той нашей жизни, о которой еще никто не писал.

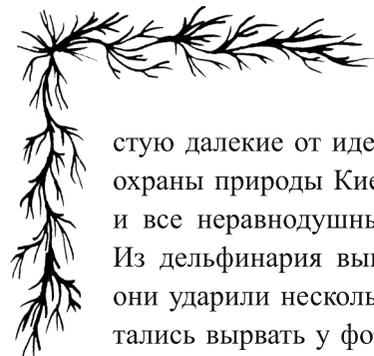
Я расскажу прежде всего о зоозащитном околоанархистском (либертарном) движении Киева 2009-2010 годов. Кто как, а лично я именно в это период был вовлечен в эту деятельность очень активно.

Началось мое знакомство со специфичной сферой зоозащиты, называющей себя «либертарной» или «анархистской», в начале 2008 года. Тогда уже всю действовала инициатива «Люди за права животных», которую двигали (на пике деятельности) десятки людей, с большинством из которых я не был знаком. Вообще тот период, 2007-2008 года, помнится резким всплеском наклеек на улицах с надписями наподобие «Мех это убийство», «Жестокости нет». Бурная анархо-хардкор-схе-антифа (и прочие «измы») тусовка как раз была на подъеме в Киеве и некоторых больших городах Украины – Донецке, Львове... Увы, это не было «движением» в полном смысле слова, скорее группами по интересам, но и они порождали брожение. Было «активистам» по 15-20 лет, и зачастую приход на мероприятия таких «анархистов» заканчивался дракой с малолетними ПТУшниками, как во время акции за права дельфинов возле Минприроды. В общем, это были подростки и их не выросшие соратники.

Последним ярким уличным мероприятием под «знаком» «Люди за права животных» была акция против охоты в августе 2009 года. Тогда юные школьницы и студентки разделись возле УНИАН в центре Киева до купальников (а одна участница – и до топлесс), чтобы создать для СМИ «шокирующую» картинку «голых» убитых животных.

Параллельно проявляли зоозащитные инициативы и люди, зача-

стую далекие от идей прав животных. В сентябре 2009 года Дружина охраны природы Киева, Национальный экологический центр Украины и все неравнодушные пикетировали открытие дельфинария «Немо». Из дельфинария вышел директор в сопровождении оравы гопников, они ударили несколько раз Лешу Василюка и Сашу Соколенко, попытались вырвать у фотокора фотоаппарат, а потом смотались. Директор удалился в здание дельфинария – толкать речь перед детьми и их родителями. А НЭЦУ и ДОП начали затяжную (и в основном бумажную) войну с «дельфинарищиками», длящуюся по сей день.

В 2009 году потихоньку стихали звуки бурного движения «Сохрани старый Киев» (о нем упоминается в статье «ЗСК»). Осенью 2009 года левых Киева волновала уже не борьба с варварской застройкой, а кого зоозащита, кого – права студентов. А еще всех тревожило, выйдет ли из СИЗО «художник»-акционист, голый борец с Нацкомиссией по морали Саша Володарский. Но сейчас мы не о нем.

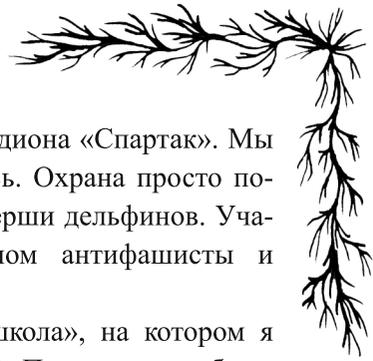
Люди после «ЗСК» уходили в другие степи: кто стал обывателем, кто родил детей, кто забил. Так эстафету подхватили зоозащитники и,

в социальной сфере, студенческие профсоюзные деятели – и так сформировались левые группы «Стоп зооциду» («Вільна тварина – вільна людина») и «Пряма дія» (далее ПД) соответственно.

Как раз тогда состоялись кинопоказы «Прямої дії» в КНУ имени Шевченко, за помощь в организации которых и я чуть не пострадал от администрации. Крутили там и природозащитные фильмы, к примеру, «Прекрасная зеленая». СБУ весьма не любило эти кинопоказы, точнее, профсоюз «Пряма дія» как таковой, вследствие чего киноклуб с приходом Януковича к власти заставили закрыть.

Именно осенью 2009 года активизировались зоозащитники, разделяющие “либертарные” идеи. Первой их памятной акцией стала раз-

дача листовок в дельфинарии «Кобзов» возле стадиона «Спартак». Мы морально готовились к драке, но ее не случилось. Охрана просто попросила нас выйти, под негодующие крики тренерши дельфинов. Участие в анонимной акции приняли в основном антифашисты и активисты ПД.

Тем временем стартовал проект «Безпартшкола», на котором я прочел лекцию об экологизме (декабрь 2009 года). По стечению обстоятельств, на лекции была Анжелика Комарова, которая предложила, дабы теория не отставала от практики, провести пикет Киевского зоопарка с требованием улучшения условий содержания животных. Присутствовавшие идею поддержали... И понеслось.

Первая акция будущей группы «Стоп зооциду» произошла в декабре 2009 г. у стен Киевского зоопарка. Тогда 14-летняя девочка Майя залезла в клетку в маске лисы, изображая мучения абстрактного зверька, остальные с плакатами стояли около часа под снегопадом. СМИ пришли. В те дни была создана гугл-рассылка «Стоп зооциду», и казавшаяся неиссякаемой энергия товарищей вылилась в новые акции.

Опишу их «галопом по Европам»: были две акции против меховой индустрии возле Дворца спорта; акция против убийства бельков под посольством Канады; раздача веганской еды ко Дню Земли в Мариинском парке; своя колонна на Первомае-2010; акция «Реквием по слону Бою» возле Киевгос-

администрации и акция в защиту бедошных животных, снова возле КГГА. Были еще регулярные кинопоказы и моя лекция о Мюррее Букчине (подготовленная, увы, на скорую руку, но собравшая много слушателей) в Институте «Новая демократия». Каждый раз подготовка была бурной. Помню рисование баннеров прямо во дворе обычного киевского дома, написание пресс-анонсов, собранная из «того, что было» аппаратура для акций... Парень по имени Сергей, оператор телеканала

СТБ, смонтировал целый клип из видеоряда с антимерховой акции у Дворца спорта. Одна из них сопровождалась попыткой ворваться внутрь, но обошлось без драки с охраной. Еще было трагикомично, когда на одну из антимерховых акций организаторы принесли заявку в КГГА не на тот день. Менты могли всех разогнать под этим предлогом.

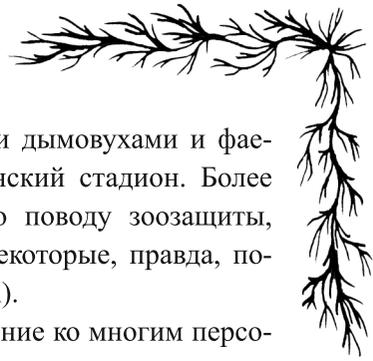
Помню сказанное с горькой иронией замечание одного участника, что одни и те же люди ходят в Киеве на все акции – от прав студентов до защиты бельков.

В конце 2010 года группа «Стоп зооциду» прекратила свою деятельность. Родились другие инициативы, но не «либертарного» толка. Похожие акции - пикеты дельфинария «Немо» - состоялись аж летом 2013 года, и инициировал их «Форум спасения Киева», организация очень даже «этатистская». А все остальные за прошедшие три года устраивали в основном «танцы за климат», «думали позитивно», выпивали на «green drinks» и занимались прочими невинными шалостями.

Все участники «Стоп зооциду» по сей день занимаются разнообразной благотворительной и не очень деятельностью. Кстати, благодаря тому, что я старался разбрасывать отчеты об акциях в соцсетях, я познакомился с Натальей Клузо, россиянкой, живущей в Париже и помогающей зоозащитникам по всему миру финансово. Она увидела фотографии с антимерхового пикета в Киеве и заинтересовалась нами.

Подведем итоги. Инициативы «Стоп зооциду» и «Люди за права животных» были дичайшей смесью людей с разными, зачастую противоположными чертами характера, иногда смешными, иногда неприятными. Как и во всем обществе. Но эти люди делали движение в тот момент. Ну и стоит помнить, что «революционные» движения во все времена притягивали городских сумасшедших, акцентированных личностей и прочих любителей «выразить себя» за счет других. Зачастую это просто зараженные ненавистью люди. Это норма, к ней нужно просто привыкнуть.

Следует помнить и о диком смещении взглядов, субкультур и идеологий, когда на одни и те же акции приходили панки и кришнаиты, к примеру. Что показательно и неудивительно, на акциях не было явных неонацистов. Они сделали в феврале 2010 года свой «праздник» - Автономное сопротивление (Автономный супротив), на тот момент

неонацистское и расистское движение, забросали дымовухами и фаерами меховой магазин в районе м. Республиканский стадион. Более «традиционные» расисты хранили молчание по поводу зоозащиты, предпочитая бороться в Киеве с застройками (некоторые, правда, помогали в частном порядке приютам для животных).

Замечу, что с описанных времен мое отношение ко многим персонажам, принимавшим участие в зоозащитном движении, изменилось диаметрально. Но стоит описать их такими, какими они были на акциях и перед ними. И тянет слегка романтизировать их образ (хотя романтического в такой деятельности на самом деле мало). Ведь нашу деятельность, кроме нас самих, никто не упомянет и «спасибо» за нее не скажет.

Поймите, в зоозащитной сфере очень много ненависти и низости, прежде всего в отношениях друг к другу. Я хочу описать тот период, освободившись на время от этих чувств, просто отдавая данность этим людям. Они были круты. Их сердца горели. И этого было достаточно.

Группа «Стоп зооциду» была кратковременным и удачным союзом анархистов и пиарщиков. За счет грамотных пресс-анонсов пикеты против меховой индустрии и убийства бездомных животных собирали много СМИ, журналисты показывали яркие картинки. И, быть может, обыватель запомнил из этих сюжетов не только обнаженную грудь зоозащитницы на пикете против охоты и не только то, что «зооэкстремисты» забрасывают фаерами меховые магазины. Хочется верить, что часть увидевших эту яркую обложку хотя бы заглянула в Интернет и увидела ролик о том, какая же бойня на самом деле меховая промышленность. Прочла материалы по теме. В конце концов, приложив усилия, кто-то из увидевших купил не кожаную обувь, а «альтернативную».

Только вот вопрос на самом деле не в этом. Целью зоозащитного движения «либертарного» толка должна быть не зоозащита ради зоозащиты, и люди, подобные Паулине, это доказывали на своем опыте. Это всегда борьба за что-то более общее, чем просто «неношение» мехов или неедение мяса. Это борьба за такое общество, где каждый ответственен настолько, что ему не нужно мясо в еде, мех и кожа в одежде – и, в конце концов, принуждение и власть в нынешнем понимании тако-

му человеку тоже не нужны. Это не свобода безответственно творить всё, что захочешь – это свобода делать то, что нравится, не в ущерб природе и отношениям между людьми.

Да, это была политическая организация – но, что хорошо, не парламентская.

А что до локальных выводов из деятельности «зоозащитников-либертариев» - буду критичен. Ребята в конечном счете ничего не добились. Акции против меха не привели к отмене меховой индустрии, акция под канадским посольством не привела хотя бы к мораторию на убийство бельков, а акция в защиту животных зоопарка не привела к улучшению условий для обезьян и других самых «вопиющих» узников этого устаревшего совкового заведения. И дельфины по сей день, в 2013 году, плавают в «консервных банках» посреди больших городов Украины, и живодеры-охотники законно удовлетворяют низменную страсть к убийству в лесах и полях. Бездомные животные – наша отдельная огромная проблема.

Я позволю себе крамольное, как для анархистского издания, замечание, но «Стоп зооциду» не сделали даже вполне посильное, хотя и «буржуазное» дело – не выдвинули в парламент законопроект о запрете меховой индустрии в Украине. А ведь это был бы как минимум скандал, маленькая революция. Буржуазная и конформистская, но она спасла бы жизни тысячам животных. Даже такого мы не сделали.

И еще замечание – да, вся «левая сцена» в Украине это наивная и неумелая пародия на эту же сцену на Западе. Панки, скинхеды и прочие субкультуры, скалькированные со своих западных эталонов, юнши, называющие себя «троцкистами», «марксистами», «анархо-синдикалистами»... Движения типа Фронта освобождения Земли и Фронта освобождения животных вообще отсутствуют. Но, с другой стороны, кто-то же должен был начинать и объявить себя «панком», «скинхедом» или настоящим, не побоюсь этого слова, «анархо-синдикалистом». И еще – в конце концов, таких людей во все времена было мало, во все времена они делали ошибки, были юны, наивны, неумелы... А все общественные изменения свершались именно ими, наивными, грубыми и неумелыми, в борьбе с циничными и заскорузлыми. Это ростки деревьев, прорывающиеся сквозь цемент царя-

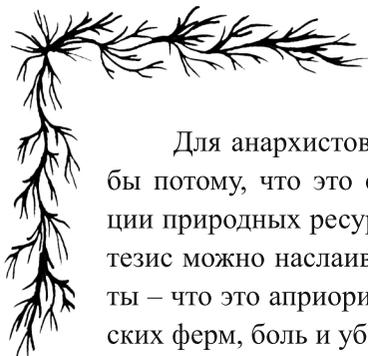
шего в обществе маразма и взаимной ненависти, равнодушия и невежества.

Горстка идеалистов и панков не повлияли описанными акциями ровным счетом ни на что, и сами они оказались не пособны сформировать боевое и действенное движение. Пока они «выгорали», циники тихим сапом подминали под себя это слабое движение. Как пример таких персонажей, приведу общественного деятеля Владимира Борейко и экс-директрису Киевского зоопарка Светлану Берзину (о В. Борейко и его борьбе с, как он выразился, «ничтогой зоозащитного движения» стоит написать отдельную статью). И, как и следовало ожидать, большая часть активистов «перегорела», и ныне – время, когда растет новая волна панков и идеалистов. Наше дело – показать им наши ошибки и опыт и стать с ними в одни ряды, когда придет время.

Лично я готов передать всем желающим опыт в виде заметок участников рассылок «Люди за права животных» и «Стоп зооциду». Один парень, прежде чем «оставить дела», высказал там дельные вещи. Об отказе от «реактивности» движения, о том, что мы должны сами выдвигать свою программу и ставить условия, а не реагировать на всё, расплыться и бегать с акции на акцию, зачастую без всякого смысла. О том, что уж если делать акцию, то в рамках масштабной кампании и методичной работы – нужен и поиск информации, и перевод ее с других языков, и ее сортировка, обработка, подача публике. О разделении движения на «потoki» - «животные не для еды», «животные не для развлечений», «животные не для одежды», «животные не для экспериментов...». Нарботки есть. Готов ими делиться со всеми, кто хочет продолжить наше дело.

И я советую всегда определяться и помнить, ради чего всю эту протестную деятельность вы делаете. Конечно, иногда главное – действия (повалить забор вокруг стройки, не пропустить порубщика в лес, сжечь экскаватор, выпустить на волю N норок...). И мотивация человека, сделавшего действие (будь он левый скинхед, или нацист, или либерал, или просто пофигист), не важна в такой ситуации. Но если мы хотим формировать движение, а не реактивно-аморфную тусовку типа ЗСК или, к сожалению, «Стоп зооциду», у всех должны быть общие цели и прежде всего идеалы.

Для анархистов естественно бороться с меховой индустрией хотя бы потому, что это символ излишества, сверхпотребления, эксплуатации природных ресурсов средним классом и буржуазией. Далее на этот тезис можно наслаивать экологические и морально-этические аргументы – что это априори загрязнение окружающей среды отходами гигантских ферм, боль и убийство.

Очевидно, что и остальные зоозащитные темы прекрасно вписываются в идеалы анархизма. Так давайте объединим их воедино, в одном движении.

Олег Андрос

<http://animalrights-ua.livejournal.com/>

(—)

<http://stopzoocide.livejournal.com/>

«

» *<http://nature-first.info/>*

ОТЧУЖДЕНИЕ ПРИРОДЫ

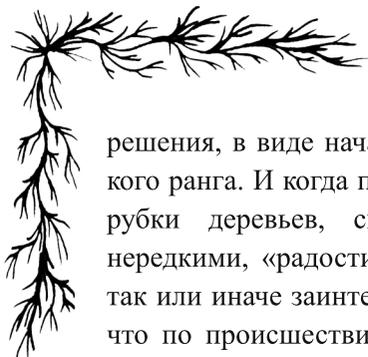

Ощущения человека, находится ли он на рабочем месте, у себя во дворе или же на природе, сейчас примерно одинаковы. Не покидает чувство отчужденности, ощущения себя чужим, невозможности влияния на что-либо. Именно невозможность влияния на свое окружение, невозможность полноценного участия в жизни общества и есть результатом такого термина, как атомизация. Атомизация - разобщенность людей, разрушение связей – соседских, родственных и т. п.

На работе человек (если только не начальник, топ-менеджер, управленец) мало на что может оказать влияние, кроме как отрабатывая свои скудные средства на своем, как правило, узкоспециализированном рабочем месте. Все остальное - не его дело, оно находится в ведении начальства и только его.

То же самое происходит и по месту жительства человека. Взять, к примеру, двор. Дороги, придомовые территории, киоски, магазины - все находится под неусыпным оком разнообразнейших служб, чиновников, полиции и так далее. Что строить, что сносить решают все эти отдаленные лица, иногда обретающие плоть и озвучивающие властные

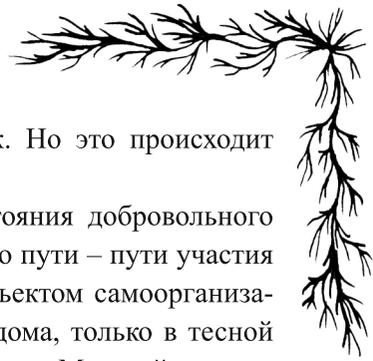

решения, в виде начальника ЖЭКа, участкового и прочих служаек низкого ранга. И когда происходят застройки придомовых территорий, вырубки деревьев, сносы детских площадок и прочие, ставшие нередкими, «радости», - могут всплыть фамилии дельцов покрупнее, так или иначе заинтересованных в сих действиях. Вполне естественно, что по происшествию какого-то времени человек привыкает к этому состоянию чужого, к ощущению себя безбилетным пассажиром своей жизни. Тем более в странах бывшего СССР, где самоуправление и солидарность были дискредитированы и уничтожены властью. В Европе власть этого так и не смогла добиться, и традиции сопротивления и солидарности в борьбе за свои права там намного сильнее, чем у нас. И чувство невозможности влиять уже присуще не одному поколению, становится потихоньку «генетической памятью»... И что же удивительного в том, когда человек и посреди дикой природы (или относительно дикой) не чувствует себя способным на что-то влиять, хотя бы в случае защиты этой самой природы?

Впрочем, так как особо наглые вырубки зеленых зон в городах уж очень на виду, случаев противодействию им (нередко успешных) довольно много. Учитывая заинтересованность жителей близлежащих домов в глотке свежего воздуха или в детской площадке. А в отдалении от городов ситуация иная. И зачастую слова, так сказать, «пользователей природными благами»

звучат приговором для природы, обрывающим нить последней надежды на спасение от уничтожения. «Там застраивают - пойдем за грибами в другие места». «Там намывают земснаряды - на другом заливе шуку половим». «Там, где мы в прошлом году лагерем стояли, уже не постоишь - вырубают лес, перенесем стоянку на другое место»... Кто-то напишет во властные инстанции, которые с этого и кормятся, и недосуг им свою же лавочку прикрывать. Изредка кто-то

отчаянный сожжет бульдозер/экскаватор/особняк. Но это происходит крайне редко и не систематически (пока).

И тут встает вопрос о смене своего состояния добровольного изгоя. И должно прийти понимание единственного пути – пути участия в жизни окружающего мира, осознания себя субъектом самоорганизации народа. Потому как чувствовать то, что ты дома, только в тесной клетке квартиры очень неприятно и «не природно». Муравей не чувствует себя таким изгоем вне муравейника, а уж человеку подавно это не подobaет. И возможным решением этого может быть лишь самоорганизация; автономная борьба за свои права и за природу, которую больше некому защитить; за возможность самим строить свою жизнь. И надежды на власть становятся все боле призрачными, благо она себя дискредитировала дальше некуда.

Ж. Днепровский

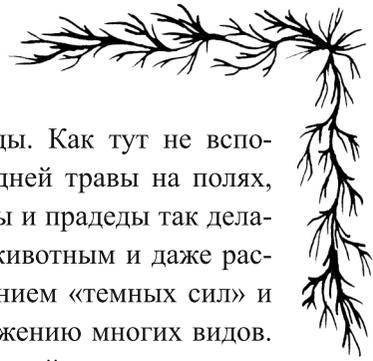
СТИХИЯ ВОДЫ

Часто можно услышать или прочитать о прекрасной жизни наших далеких предков, которые жили в гармонии с природой. Но вместе с нарисованными чьим-то воображением райскими картинками также приходит и понимание того, как далеко

сейчас мы находимся от того заветного «идеала» отношений человека и окружающей его среды. Вместе с тем часто можно услышать и полностью противоположное мнение. Многие наши современники, глядя с высоты современных достижений науки, считают традиционные знания примитивными и не стоящими внимания в нынешнем обществе. Но тут есть над чем задуматься: не смотря на глубокие познания в разных сферах науки современное человечество приближается к глобальной экологической катастрофе. В то же время эти «примитивные знания» много веков помогали мудро регулировать взаимоотношения человека и природы, не допуская тотального уничтожения окружающей среды, которое мы видим сейчас. Так может быть настало время пересмотреть свои взгляды?

Скажу сразу, что и взаимоотношения с окружающей средой, построенные на основе традиций, далеко не всегда были идеальными. Можно предположить, что заветное состояние гармонии с окружающей средой, возможно, было только во время, когда наши далекие предки еще добывали себе пищу охотой и собирательством, о чем можно судить из тех немногих примеров жизни племен, которые хоть частично сохранили такие традиции. В более поздний период эта гармония отношений уже была частично утрачена, так что о многом сейчас мы можем только догадываться. В этнографических источниках можно найти довольно много обычаев, поверий, которые наоборот

могут даже мешать современной охране природы. Как тут не вспомнить увы всем привычное сжигание прошлогодней травы на полях, которое часто мотивируется фразой «и наши деды и прадеды так делали». А уж негативное отношение к некоторым животным и даже растениям, которые в народе считаются олицетворением «темных сил» и вовсе часто приводит к необоснованному уничтожению многих видов. Так что часто детальное изучение народных традиций помогает прояснить некоторые трудности, с которыми могут столкнуться современные природоохранники в работе с людьми. Но все же не смотря на все это, народный опыт сосуществования с природой в основном позитивный и может многому научить нас.

С незапамятных времен вода как животворящее начало была почитаема нашими предками. Людей всегда удивляла ее удивительная способность оживлять землю, наполнять ее силой. Во многих культурах мира воду считали первоосновой мира, которая существовала еще с самого начала его творения, о чем свидетельствуют, например, такие строки из старинной украинской колядки:

Що ж нам було із світа початку?

Не було нічого – одна водонька...

Вода считалась святой, имеющей целительную силу. Как символ плодородия она часто встречается в разных традиционных ритуалах; так свадьбы у славян в дохристианские времена часто происходили над водой, а важной частью свадебного обряда у многих народов было ритуальное умывание у речки или колодца. Поскольку сама вода считалась живой, то и все речки, озера, ручьи воспринимались как живые существа. Потому для человека традиционного мировоззрения было просто немыслимо причинить какой-то вред водной стихии; о том, что бы плевать в воду, выбрасывать мусор или испражняться (что увы сейчас является довольно обычным явлением) даже не могло быть и речи, это считалось оскорблением святости.

В мировоззрении наших предков вода земная была неразрывно связана с водой небесной, то есть с дождем. Вот почему уважительное отношение к воде земной гарантировало также, что и дождя будет достаточно для успешной сельскохозяйственной работы. Отсюда происходят и традиции молитв возле колодцев и речек во время засухи. В то же вре-

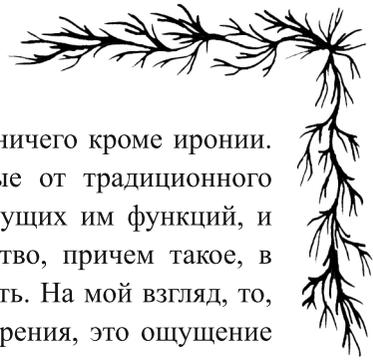

мя водная стихия таила в себе много неизведанного, а потому без особой надобности не стоило «тревожить» ее. С духами воды следовало вести себя осторожно, знать как их умиловить, что бы они не обиделись и не наделали беды. Уже позднее, во времена распространения христианства, большинство духов воды считались «нечистыми» и враждебными, а болота и водоемы со стоячей водой были названы местами обитания чертей.

Согласно традиционным взглядам вода имела магическую силу, особенно в особое, праздничное время. Этнографами записаны разнообразные обряды купания, обливания, собирания росы, которые происходили во время большинства праздников календарного цикла. Особым уважением пользовалась «живая вода» ручьев и потоков. В более поздние времена подобные чествования водной стихии осуждались христианами священниками, но полностью искоренить эти обряды так и не удалось. Как и в случае с другими языческими традициями христианская церковь действовала по принципу «если что-то нельзя уничтожить, то это надо возгавить», потому что возле священных ручьев, колодцев стали строить часовни, вешать иконы, устраивать молебны. Ритуал освящения воды, ставший сейчас неотъемлемой частью большинства христианских праздников, тоже имеет языческое происхождение, хотя большинство людей даже не подозревают об этом.

Но вопрос о том, чему могут научить нас народные традиции, все же остался. Конечно, на это многие из нас могут ответить по-разному, так что тут я выскажу свое мнение, не претендующее на неоспоримость. Казалось бы, и наш теперешний образ жизни, и наше мировоззрение очень далеки от существовавших еще сто-сто пятьдесят лет назад. Конечно, нельзя просто взять те или иные обряды, традиции и механически перенести их в нашу среду обитания, а потому слепое копирование деревенского образа жизни некоторыми современными

«экопоселенцами» и «патриотами» не вызывает ничего кроме иронии. Все эти обряды, поверья, традиции, оторванные от традиционного мировоззрения, просто не будут исполнять присущих им функций, и скорее напоминают театрално-концертное действо, причем такое, в правдивость которого не очень то и хочется верить. На мой взгляд, то, что мы можем взять из традиционного мировоззрения, это ощущение единства с окружающим миром. Увы, большинство нынешних экологических проблем возникают как раз из-за утраты современными людьми этого чувства. Человек, ощущающий единство с природой, просто не может причинять ей вред, так как это для него все равно, что вредить самому себе. Вполне возможно, что чем больше людей смогут вновь почувствовать себя не «царями природы», а всего лишь ее частичками, тем более гармоничным будет и все общество, в котором мы живем.

Х. Радзиевская

ДИКОСТЬ

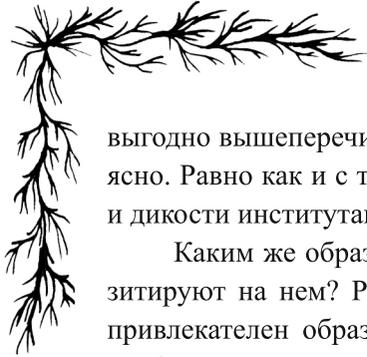

Одним из ключевых понятий в глубинной экологии, глашатаем которой было, в первую очередь, движение «Earth First» («Земля Прежде Всего»), было понятие дикости. Сохранение природы, защита конкретных мест рассматривалась, в первую

очередь, как защита диких земель, не освоенных человеком. Такие места являлись колыбелью эволюции, где видам флоры и фауны люди не мешали развиваться, бороться за выживание. Также лучшие побуждения эковоинов рассматривались как попытка возврата к себе, попытка посмотреть на мир глазами своих предков, живших среди дикой природы. Мифологизация такого вот примитивизма, такой свободы и дикости, была и остается очень привлекательной, особенно для молодежи! И именно сейчас, в эпоху поголовной заинтересованности природой (что в основном просто-напросто выливается в спекуляции на зелёном цвете теми же, кто наживается на уничтожении и продаже природы), моды на природу, вопрос дикости может создать некий водораздел между теми, кто хочет быть (насколько это возможно) частью Земли и теми, кто всего-навсего хочет продавать еще больше товаров, завернутых на сей раз в зелёную упаковку.

В анархизме же дикость занимает действительно весьма почетное место. Учение о свободе, о взаимопомощи и солидарности как никакое другое является прибежищем вольного и дикого. Угрозы и профанации дикости исходят сейчас от капитализма, государства и правых. Первое и второе просто наживается на дикости либо её подавляет. Пошлый пример первого - реклама водки: «выпил и стал диким». Как правило, люди, напиваясь, становятся не дикими, а входят в скотский образ, что

выгодно вышеперечисленным институциям. С этим, впрочем, и так все ясно. Равно как и с тем, коим образом происходит подавление свободы и дикости институтами государства и капитала.

Каким же образом правые профанируют понятие дикости и паразитируют на нем? Раньше, в 90-е годы, для многих школьников был привлекателен образ наци-скинхеда. Чем же он так манил морально слабых представителей общества? Как раз дикостью. Нападение подобно стае собак на представителя другой расы или нации для подростка казалось весьма крутым делом. Хотя это проявление вело к антисвободным и антидиким взглядам. Фашизм, нацизм, национализм - это казарма, это стадо! А там свободы не ищи. И названия многих правых групп тоже паразитировали на теме дикости. Особенно это было распространено в итальянской неофашистской среде. Тема популярности дикости очень интересна, и если анархисты и радикальные природозащитники не возьмут на вооружение то, что по праву является немаловажной их частью, то они будут наблюдать, как полчища дегенератов станут называть дикостью и свободой свои гнусные выходки. И молодежь опять будет идти за ними (конечно, худшая ее часть).

Дикость - это ощущение себя частью природы, это попытка вернуть утерянную гармонию в наши с ней отношения, это попытка вернуть

к себе самим, это дорога домой! Все это у нас в крови от предков, сражавшихся с тяжелыми природными условиями, от их жизни среди бескрайних лесов, от их общения с природой, от их осознания себя, как части Земли... И, оче-

видно, подавленность дикости и свободолюбия сейчас напоминает сжатую пружину, и пришло время оценить и подумать о том пути, по которому нас поведет забытая дикость и свобода. Пришло время вспомнить о природе глубже и шире. Пришло время её увидеть по-другому, чем сидя на бревне и поедая жирный шашлык на замусоренной полянке в каком-то лесопарке. Нужно увидеть её также и в себе, понять и

услышать. Защищать природу и волю с позиций знания, образования, но и с позиций крови, несущей информацию с очень далеких и очень диких времен! Как говорил американский натуралист Генри Торо, «в дикости состоит сохранение мира»!

Ж. Днепровский

ЛИКБЕЗ: СЛАНЦЕВЫЙ ГАЗ

?

Сланцевый газ - вид “нетрадиционного” природного газа, который состоит преимущественно из метана и лежит в сланцевых пластах глубоко под землей. “Нетрадиционным” его называют из-за особенностей добычи. Сланец - горная порода, сформированная в следствии уплотнения грязей, глины и других мелкозерновых пород. Сланцевая порода достаточно ломкая, но и не пропускает воду, что усложняет добычу газа оттуда. Поэтому используется технология гидравлического разрыва пласта, которая называется фрекингом.

Фрекинг включает в себя глубокое бурение в вертикальном и горизонтальном направлениях и закачивание в образованную скважину "хитрой" смеси. Смесь включает в

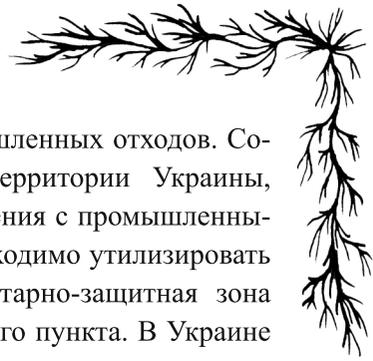
себя песок и всего-навсего шесть сотен химреагентов. Эта жижа закачивается под высоким давлением и образует трещины в сланцевой породе, через которые газ подходит в буровую скважину.

Отработанная вода, то есть та самая жижа из воды и химреагентов, откачивается обратно на поверхность. Из-за естественно низкой концентрации газа в сланцевых пластах запасы его истощаются после 12-18 месяцев эксплуатации одной буровой вышки.

?

?

Особенности геологического строения создают необходимость бурения новой скважины рядом с уже существующей. Это приводит к уплотненному размещению скважин.

Во время бурения появляется много промышленных отходов. Согласно экологическому законодательству на территории Украины, точнее государственных санитарных норм поведения с промышленными отходами, после бурения каждой вышки необходимо утилизировать жижу. Для этого нужны хранилища, где санитарно-защитная зона должна быть не ближе, чем за 3 км до населенного пункта. В Украине же, где плотность населения достаточно велика, даже с точки зрения законодательства нельзя размещать хранилища.

?

Во время добычи сланцевого газа и пресная, и минеральная подземные воды скважин и колодцев будут загрязнены химикатами; будут разрушены здания и сооружения, которые не выдержат землетрясений мощностью 5 баллов по шкале Рихтера; воздух будет загрязнен метаном, выходящим на поверхность.

?

Чтобы понять, загрязнена ли вода возле скважин, необходимо сделать анализ воды на гранично допустимые концентрации. При попадении бензола в воду на вкус его почти невозможно отличить. На это способен только хроматограф, а таких приборов не так много, тем более, в быту. Однако государственные санитарные нормы не обязывают санстанции выявлять его наличие и уровень в воде.

В процессе фрекинга используется большое количество токсических химических веществ. Точное количество воды и химикатов для бурения одной вышки зависит от плотности породы. По данным добывающих компаний, это 98-99,5% воды и 0,5-1,5% химических веществ. Для стандартной скважины в среднем используют порядка 15 млн литров воды. Несложно посчитать, какой процент химреагентов в этой воде. Точную информацию компании, конечно же, не предоставляют.

?

В первую очередь это несет угрозу природным ландшафтам, которые будут уничтожены. Добыча сланцевого газа предполагает использования огромного количества воды, которая впоследствии никак

не очищается. Извлечение больших объемов воды, которой практически нигде нет в достатке даже для питьевых потребностей, вероятно, повлечет за собой нарушения геологической среды. Вследствии этого есть угроза загрязнения водоносных горизонтов подземных вод. Существуют технологические проблемы с хранением и очисткой тысяч тонн жижи.

В местах, где сланцевый газ добывали или сейчас полномасштабно добывают, наблюдается учащение случаев онкологических заболеваний у людей. Также мрут животные, как домашние, так и дикие.

О. Волина

“ ”,
“ - - - ”

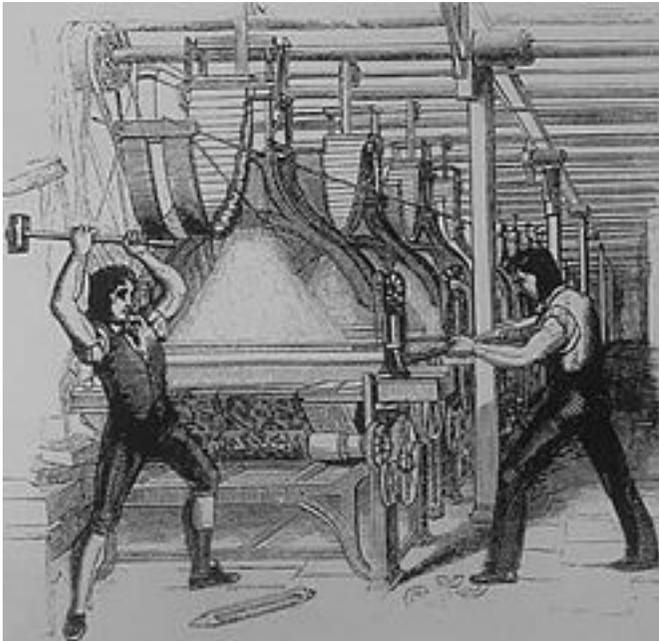
”

ПАМЯТИ МАШИНОБОРЦЕВ

Кровавый кодекс

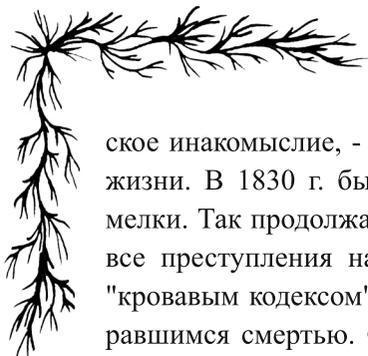
С глубокой древности повешение считалось позорной казнью... Оно широко применялось для того, чтобы опорочить осужденного. К нему приговаривались те, кто совершал самые низкие преступления против общества, самые неисправимые, те, кто не желал становиться на колени и принуждался к этому силой.

Некоторые из казненных в новые времена стали мучениками: Парсонс, Шпис и их товарищи по эшафоту, чью память мы чтим Первого мая. Но лишь немногие помнят имя Джеймса Таула, который оказался в 1816 г. последним из казненных "разрушителей машин". Он взошел на эшафот, распевая гимн луддитов, пока его голосовые связки не надорвались в одной-единственной ноте. Похоронная процессия из 3 тысяч человек допела гимн вместо него. За три года до этого на 14 сто-

явших в ряд виселиц взошли другие обвиненные в "луддизме", как официально стало называться это преступление.

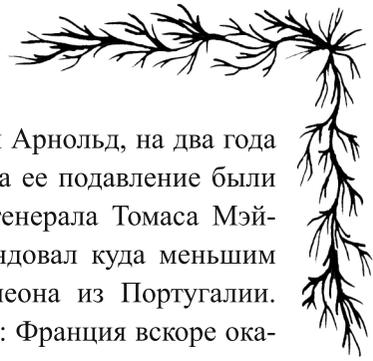
В те времена существовали десятки видов преступлений, за которые полагалась веревка. Убийство, супружеская измена, кража, мошенничество, политиче-

ское инакомыслие, - за все это и многое другое можно было лишиться жизни. В 1830 г. был повешен 9-летний мальчик, укравший цветные мелки. Так продолжалось до 1870 г., когда "гуманный" декрет разделил все преступления на 4 категории. Эти жестокие законы назывались "кровавым кодексом". Но луддизм был необычным преступлением, каравшимся смертью. С 1812 г. за разрушение машин в Англии полагалась смертная казнь. Немногие еще помнили о луддитах - имени, по которому они узнавали друг друга. Лишь время от времени на это народное выступление, прославившееся разрушением машин, ссылались неолиберальные технократы и прогрессистские историки, как на пример политического абсурда: "реакционные требования", "ремесленный этап сознания трудящихся", "бунт рабочих-текстильщиков, окрашенный в крестьянские тона". Однако все эти этикетки далеки от истины. Все они... порицают луддитское движение - одни из-за вполне понятной заинтересованности, другие - по незнанию или вследствие предубеждений. Образ луддитов, который рисовали как правые, так и левые, - образ обезьяноподобной и буйной орды псевдо-крестьян, топтавшей и рвавшей железные цветы, на которых собирали нектар пчелы прогресса. Иными словами, дорожный указатель, вежа, обозначающая последний бунт средневековья. Тема для палеонтологии, доисторический зверинец.

Призрак Неда Лудда

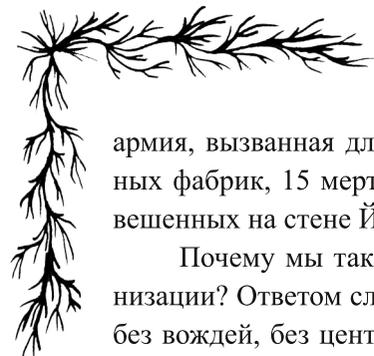
Все началось 12 апреля 1811 г. Под покровом ночи 350 мужчин, женщин и детей напали на прядильную фабрику в Ноттингемшире, разрушив большие станки - "широкие рамы" и предав огню здания. То, что за этим последовало, вошло в народный фольклор. Фабрика принадлежала Уильяму Картрайту, ткацкому фабриканту, производившему изделия низкого качества, но на новых машинах. Сама фабрика была в те годы новым наростом на пейзаже: люди обычно работали в небольших цехах. В ту же ночь в окрестностях были разрушены еще 70 станков. Затем пожары и диверсии распространились на соседние графства Дерби, Ланкашир и Йорк, бывшие в начале 19-го века сердцем Англии и местом средоточия проблем, порожденных Промышлен-

ной революцией. Волна, вышедшая из деревушки Арнольд, на два года лишила власти контроля над центром Англии. На ее подавление были брошены 10 тысяч солдат под командованием генерала Томаса Мэйтленда. Десять тысяч солдат? Веллингтон командовал куда меньшим числом, когда начал действовать против Наполеона из Португалии. Больше, чем против Франции? В этом был смысл: Франция вскоре оказалась в подвешенном состоянии и страхе, но не призрак наполеоновской Франции преследовал английский двор... Всего лишь четверть века прошло с Первого года революции. Десять тысяч. Многие признаки говорили о том, что покончить с луддитами будет трудно. Прежде всего потому, что участники движения пользовались поддержкой общества. Причем в двояком смысле слова: их не только поддерживало население, они и были населением.

Мэйтленд и его солдаты тщетно искали Неда Лудда, их главу. Они его не нашли. Они и не могли его найти - ведь Неда Лудда не существовало, это было имя, придуманное людьми, чтобы сбить со следа Мэйтленда. Другие манифесты, издевательские или угрожающие, петиции были подписаны "Мистер Пистоль", "Леди Лудд". "Питер Плюш", "Гернал Справедливость", "Без короля", "Король Лудд", "Джо Поджигатель". Обратный адрес на письмах гласил: "Шервудский лес" (напоминание о Робине Гуде - прим. перевод.). Новая мифология наслаивалась на более древнюю. Люди Мэйтленда вынуждены были прибегнуть к помощи шпионов, агентов-provokаторов и засланных лиц, которые составили элемент структуры на случай внешней войны. Это была экстренная реорганизация полицейских сил, называемых сегодня "интилледженс" (разведывательными).

События, которые держали в напряжении страну и парламент, стали, в конце концов, достоянием истории. Цель, которую преследовали луддиты, не была политической: она была социальной и этической; они не стремились к власти, а хотели противостоять динамике ускоренной индустриализации. Этой цели они не достигли. Остались несколько песен, судебные акты, сообщения военных властей и шпионов, газетные статьи, 100 тысяч фунтов стерлингов убытков, специальная сессия парламента - и почти ничего больше. И, конечно же, факты: 2 года насильственной социальной борьбы. 1100 разрушенных машин,

армия, вызванная для "усмирения" восставших регионов, 5-6 сожженных фабрик, 15 мертвых луддитов, 13 сосланных в Австралию, 14 повешенных на стене Йоркского замка, сколько-то раненых.

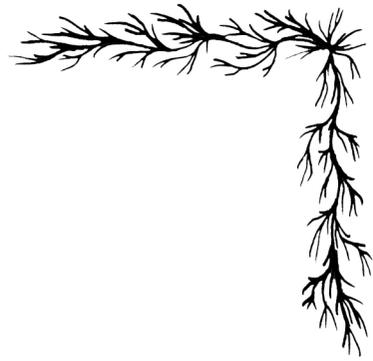
Почему мы так мало знаем о намерениях луддитов и об их организации? Ответом служит сам призрак Неда Лудда: это было восстание без вождей, без централизованной организации, без денежных средств и с целью-химерой: поспорить с новыми промышленниками на равных. Но никакое "стихийное" восстание, никакая "дикая" стачка, никакой "взрыв" народного насилия не родится из ничего. Для них нужны годы скрытого созревания, поколения, передающие наследие преследуемых, население, вынашивающее мысль о сопротивлении: иногда целые столетия могут пройти за один-единственный день. Детонатором обычно служит противник. С 1810 г. повышение цен, потеря рынков в связи с войной и сговор новых промышленников и торговцев текстилем в Лондоне, позволивший им не покупать больше изделия трудящихся из небольших текстильных деревень, - все это подожгло фитиль. С другой стороны, политические собрания и свобода печати были отменены под предлогом войны с Наполеоном; закон запрещал текстильщикам эмигрировать, даже если они умирали от голода: Англия не должна была давать своим знаниям утекать за границу.

Луддиты разработали чрезвычайную военную организацию. Она включала систему делегатов и курьеров, покрывавшую 4 графства, тайные клятвы верности, методы камуфляжа, часовых, организаторов кражи оружия во вражеском лагере, настенные надписи. Кроме того, они распознавали друга с помощью древнего способа боевых песен, которые они называли гимнами. В одной из немногих записанных пелось:

"

-

".

В другой говорилось:

"
,
,".

Кузнечный молот, которым луддиты крушили станки, был сделан на фабрике Энох. Поэтому идя на бой, они пели "Большой Энох":

"
,
,".

Образ молота пронизывает короткую эпопею луддитов. В анархистской символике начала века объединенные в синдикаты трудящиеся давили большим молотом уже не машины, а всю фабричную систему. Оценивая такое отношение к технике, следует учитывать, что власть пыталась не только подавить народные восстания, но и воспрепятствовать организации рабочих, в то время как объединенными были только предприниматели. Карбонарии, заговорщики, члены группы "Черная рука" из Кадиса, революционные синдикалисты: в минувшем веке многие попытки такого рода кончались виселицей.

Честная игра

Ныне никто уже не помнит такие некогда столь важные термины, как "справедливая цена" или "достойный заработок". Но как тогда, так и теперь, стратегия обмена, технологического ускорения и навязываемого населению отчуждения принуждает сельских жителей восставать. Рим строился на протяжении 7 веков, Манчестер и Ливерпуль - каких-нибудь 20 лет. Позднее, в Азии и Африке поселения возводились за 2 недели. Никто не может быть готов к таким переменам. Невидимая рука рынка отличается от сделки на базаре, когда товары можно увидеть и пощупать. Внедрение новых машин помимо желания людей, полу-

принудительное опустошение деревень и концентрация людей в новых индустриальных городах, распространение принципа чистой наживы и колоссальная порча нравов были питательной средой для бунта. Но не следует обобщать.

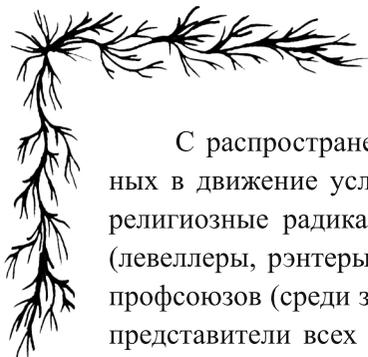
Луддиты отрицали не всякую технику, а только ту, которая наносила моральный ущерб обществу. Их насилие было направлено не против машины как таковой (так, они не уничтожали свои машины, даже достаточно сложные), а против символов новой торжествующей политэкономии (концентрации на городских фабриках, машин, которые невозможно приобрести сообща и которыми невозможно управлять вместе). И в любом случае, не они изобрели... методы: разрушение машин и нападение на дома хозяев веками были обычным средством добиться повышения зарплаты. Они не думали, что новые механизмы могут использоваться трудящимися, чьи руки были неопытны, а кошельки пусты. Насилие было направлено против машин, первую кровь пролили фабриканты. В действиях луддитов встречивала новая, символическая разновидность насилия. Причем настолько, что неизбежным следствием восстания стало теснейшее взаимодействие крупных промышленников и государственной администрации; этот пакт не разорван до сих пор. И, наконец, луддиты поставили вопрос: где пролегает предел? Можно ли выступать против внедрения техники или процессов труда, если они наносят ущерб обществу? Насколько важны социальные последствия технического насилия? Где можно высказать коммунитарные интересы? Можно ли обсуждать новую технологию "глобализации" с точки зрения этики, а не статистических или плановых соображений? Можно ли считать ценностью новизну и скорость операций? Никто не станет отрицать актуальность этих тем...

Луддизм остро почувствовал наступление технической эры, поставив "тему механизации" - вопрос не столько технический, сколько политический и этический. Подобно тому, как фабриканты и помещики обвиняли луддитов в преступлениях якобинства, сегодня технократы обвиняют критиков индустриальной системы в ностальгии. Но еще луддиты понимали, что им противостоят не только жадные промышленники текстиля, но и само техническое насилие Фабрики. Будущее в прошлом: подумаем о современной технологии заранее.

Эпилоги

27 февраля 1812 г. стало памятным днем в истории капитализма и в хронике проигранного сражения. Темой взбунтовавшихся бедняков занялся парламент... В этот день лорд Байрон явился в парламент в первый и в последний раз. Со времени казненного Гая Фокса никто еще не осмеливался явиться в Палату лордов, чтобы возражать ей. В ходе сессии под председательством премьер-министра Персиваля обсуждалась уместность дополнения нового пункта в список преступлений, каравшихся смертной казнью, - так называемого "билля о разрушении машин". Отныне за уничтожение машин полагалась смерть. Итак, лорды против луддитов: сто против одного. В это время Байрон работал над поэмой о Чайлд-Гарольде, но нашел время для того, чтобы самому отправиться в зоны волнений и составить свое собственное представление о ситуации. Проект закона уже был одобрен Палатой общин. Будущий премьер-министр Уильям Лэмб голосовал за, посоветовав коллегам сделать то же самое, поскольку "страх смерти оказывает могущественное воздействие на умы..". Лорд Байрон пламенно, но тщетно возражал. Он... говорил о посланных солдатах, как об оккупационной армии, вызывающей отторжение у населения: "Марши и контрмарши! Из Ноттингема в Балуэлл, из Балуэлла в Бэнфорд, из Бэнфорда в Мэнсфилд! А когда, наконец, части дошли до цели, со всей гордостью, помпой и обстоятельствами, приличествующими славной войне, они едва успели явиться вовремя, чтобы стать зрителями того, что уже произошло, чтобы составить акт о побеге ответственных, собрать обломки разрушенных машин и вернуться в свои казармы, сопровождаемые насмешками стариков и свистом детей". Он прибавил: "Не довольно ли уже крови в вашем кодексе законов, или ее нужно пролить еще больше, чтобы она достала до неба и там свидетельствовала против вас? И как же вы собираетесь применять этот закон? Постройте по виселице в каждой деревне и повесите на каждой человека в устрашение прочим?". Но все было тщетно. Тогда Байрон решил опубликовать в газете опасную поэму - "Оду авторам билля против разрушителей станков":

С распространением восстания на 4 графства мозаика вовлеченных в движение усложнилась: демократы-последователи Тома Пэйна, религиозные радикалы, наследники крайних сект предыдущих веков (левеллеры, рэнтеры, южно-шотландцы и т.д.), будущие организаторы профсоюзов (среди заключенных-луддистов были не только ткачи, но и представители всех профессий), ирландские эмигранты-якобинцы. Не стоит забывать: интернационализм древен и известен еще в античную эпоху, к примеру, в движении Спартака. В один прекрасный день всплывают тысячи и тысячи имен. В памяти проступают слоги бесчисленного количества фамилий из прошлого человечества. Их истории пали жертвой темных провалов. Нед Лудд, лорд Байрон, Картрайт, Персивал, Меллор, Мэйтленд, Одген, Хойл - ни одно имя не должно быть потеряно.

Генерал Мэйтленд был вознагражден за свою службу: он получил дворянский титул баронета и был назначен губернатором Мальты, затем главнокомандующим на Средиземном море и, наконец, верховным комиссаром Ионических островов. Прежде чем покинуть мир, он успел еще подавить революцию на острове Кефаллония. Персивал, премьер-министр, был убит, прежде чем изловил последнего луддита.

Уильям Картрайт продолжал развивать свою прибыльную и процветающую индустрию, и индустриальная модель пустила метастазы. Один из его сыновей покончил с собой ни где-нибудь, а посредине Хрустального дворца во время международной промышленной выставки 1851 г.; грохот машин в зале заглушил звук пушечного выстрела. Когда через несколько лет после событий умерла одна из местных шпионок, поселившихся в окрестностях, ее могила была осквернена, а тело эксгумировано и продано студентам-медикам. Некоторых луддитов видели 20 лет спустя, когда в Лондоне были основаны первые организации рабочего класса. Другие, сосланные в отдаленные земли, оставили свои следы в Австралии и Полинезии. Подобные маршруты были прочерчены и после Парижской Коммуны, и после Испанской революции. Но большинство сельских жителей четырех графств, как кажется, заключили пакт об анонимности, сохраняя прежнюю клятву молчания по имени "Нед Лудд". Никто в долинах не рассказывал о своем собственном участии в восстании. Урок был же-

стоким, а законы техники - тем более. Только время от времени, в какой-нибудь таверне, какое-нибудь слово, какая-нибудь песня; остатки, которые никто не учитывал. Они стали удаленным плодом истории. Никто не ценит такого рода жертвы.

Почему нас так трогает история Неда Лудда и разрушителей машин? Их действия сохранились лишь в виде кратких примечаний внизу страницы великой книги автобиографии человечества, а содержание их истории анонимно, очень хрупко и почти абсурдно, вызывая одновременно любопытство и - в еще большей степени - отсутствие интереса к тому, что невозможно использовать. Наш век - не подходящая эпоха для спокойных размышлений. Буржуа прошлого века мог позволить себе роскошь спокойно отдохнуть с романом в руке. Зрители нашего столетия располагают всего парой часов, чтобы просмотреть телевизионную программу.

Мы живем в эпоху тахикардии, как саркастически заметил Мартинес Эстрада. Обратиться вспять по ходу истории, чтобы затем отдохнуть при виде ее бурь - такое мог позволить себе только Орфей. Он открыл себе дорогу в мир мертвых с помощью мелодии, которая срывала самые совершенные запоры. Мы же можем только руководствоваться призрачными огоньками, которые доходят до нас из старых книг - умирающими дуновениями да лингвистическими обрывками. Любой иной след рассыпается на составные части. Но если эти части могут выражать язык, необходимо вновь обратиться к памяти, сохранив все, что происходило в его "теле" (к примеру, все весла, которые во все времена рассекали воду, все копыта, которые стучали по земле, и т.д.). В свою очередь, воздух хранит все голоса, которые исходили из горла всех людей, живших с начала времен. В действительности, в эту минуту произносятся миллионы слов. Но ни одно не теряется, даже слова немых. Все они обозначаются в прозрачном воздухе, отношение которого к человеческому слуху еще предстоит исследовать: понять, когда говорят дети, оставляя царапинки или резкие черты на стеклах, колеблемых собственным дыханием. Если этот устный архив можно перевести на наш язык, то все вещи вернуться в одно мгновение, составив голос одной огромной руны или целостной памяти истории. В ветре рассеяны голоса, передаваемые от одной эпохи к другой. И какой-ни-

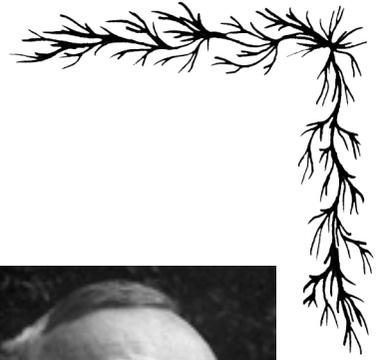

будь слух может уловить бури, бушевавшие в иные времена.

Ветер - прекрасный проводник памяти, поскольку все сказанное столь же необходимо, сколь и невольно и поскольку мы внезапно ощущаем себя ближе к умершим, чем к живым. Что касается этого сказанного, то я никак не могу и не хочу пропустить мимо ушей то, что сказал старый луддит Бен в историческом клубе графства Дерби 50 лет спустя после событий: "Меня огорчает, что сегодняшние сельские жители понимают вещи хуже, чем понимали мы, луддиты". Но как же мог кто-нибудь тогда, в разгар эйфории прогресса, открыть уши для старой луддитской истины? Не было тогда аудитории, способной воспринять эти пророчества; ее все еще нет до сих пор. Замечание Бена было последним словом луддитского движения, в свою очередь - рассеянным эхом живых стонов повешенных в 1813 году. Быть может, я и написал все это, чтобы лучше слышать Бена. Я хватаюсь за нить его голоса и плету ее, как те, кто, подобно мне, блуждают в этом лабиринте.

К. Феррер

СМЕЛНОЙ ВОЛК

Публикуемый отрывок романа «Степной Волк» Германа Гессе, вышедшего в свет в далеком 1927 году. Действие романа происходит в межвоенной Германии. Герой романа в конце повествования попадает в магический театр (где «плата за вход - разум», который «не для всех, только для сумасшедших»), где может наблюдать свои мысли, побуждения и мечты наяву. Один из моментов, который мы публикуем в журнале - «охота на автомобили», очень красочно и пророчески описанное сражение между людьми и машинами. Мало места для людей, машины захватывают города; и такие прозорливые мысли в 1927 году, на заре массового автомобилестроения. Отдельное спасибо журналу «Экозащита», где мы увидели именно этот отрывок прекрасного романа и решили включить его в наше издание.

Надпись:

Приглашаем на веселую охоту!

Крупная дичь – автомобили —

приманила меня, я отворил узкую дверь и вошел.

Меня сразу рвануло в какой-то шумный и взволнованный мир. По улицам носились автомобили, частью бронированные, и охотились на пешеходов, давили колесами вдрызг, расплющивали о стены домов. Я сразу понял: это была борьба между людьми и машинами, давно готовившаяся, давно ожидавшаяся, давно внушавшая страх и теперь наконец разразившаяся. Повсюду валялись трупы и куски разодранных тел, повсюду же разбитые, искореженные, полусгоревшие автомобили, над

этим безумным хаосом кружили самолеты, и по ним тоже палили с крыш и из окон из ружей и пулеметов. Дикие, великолепно-зажигательные плакаты на всех стенах огромными, пылавшими, как факелы, буквами призывали нацию выступить наконец на стороне людей против машин, перебить наконец жирных, хорошо одетых, благоухающих богачей, которые с помощью машин выжимают жир из других, а заодно и их большие, кашляющие, злобно рычащие, дьявольски гудящие автомобили, поджечь наконец фабрики и немножко очистить, немножко опустошить поруганную землю, чтобы снова росла трава, чтобы запыленный цементный мир снова превратился в леса, луга, поля, ручьи и болота. Зато другие плакаты, чудесно выполненные, великолепно стилизованные, выдержанные в более нежной, не столь ребяческой цветовой гамме, сочиненные необычайно умно и талантливо, взволнованно предостерегали, наоборот, всех имущих и благонамеренных от грозящего хаоса анархии, живописуя поистине трогательное счастье порядка, труда, собственности, культуры, права и славы машины как высочайшее и последнее открытие людей, благодаря которому они могут превратиться в богов. Задумчиво и восхищенно читал я эти плакаты, красные и зеленые, поразительное воздействие оказывали на меня их пламенное красноречие, их железная логика, они были правы, и, глубоко убежденный прочитанным, стоял я то перед одним, то перед другим, хотя довольно-таки густая пальба вокруг мне все-таки ощути-мо мешала. Что ж, главное было ясно: это была война, жаркая, шикарная и в высшей степени симпатичная война, где дело шло не об императоре, республике, границах, не о знаменах, партиях и тому подобных преимущественно декоративных и театральных вещах, пустяках по сути, а где каждый, кому не хватало воздуха и приелась жизнь, выражал свое недовольство разительным образом и добивался всеобщего разрушения металлического цивилизованного мира. Я видел, как звонко и как откровенно смеется в глазах у всех сладострастье убийства и разоренья, и во мне самом пышно зацвели эти красные дикие цветы и засмеялись не тише. Я радостно вмешался в борьбу.

Но прекрасней всего было то, что рядом со мной вдруг оказался мой школьный товарищ Густав, о котором я уже десятки лет ничего не слышал, самый когда-то необузданный, сильный и жизнелюбивый из

друзей моего раннего детства. У меня возликовала душа, когда я увидел, как мне вновь подмигнули его голубые глаза. Он сделал мне знак, и я тут же последовал за ним с радостью.

– Боже мой, Густав, – счастливо воскликнул я, – вот так встреча! Кем же ты стал?

Он рассмеялся сердито, совсем как в мальчишеские времена.

– Дурень, неужели нужно сразу лезть с вопросами и болтовней? Профессором богословия – вот кем я стал, ну вот, ты это узнал, но сейчас, старик, уже не до богословия, к счастью, сейчас война. Пошли!

С маленькой машины, которая, фыркая, двигалась нам навстречу, он выстрелом сбил водителя, ловко, как обезьяна, вскочил в машину, остановил ее и посадил меня, потом, с сумасшедшей скоростью, сквозь пули и опрокинутые машины, мы помчались прочь, удаляясь от центра города.

– Ты на стороне фабрикантов? – спросил я своего друга.

– Не важно, это дело вкуса, выедем за город – разберемся. Впрочем, нет, погоди, я скорее за то, чтобы мы выбрали другую партию, хотя, по сути, это, конечно, совершенно безразлично. Я богослов, и мой предок Лютер помогал в свое время князьям и богачам в борьбе с крестьянами, а мы теперь это немножко исправим. Дрянная машина, надо надеяться, ее хватит еще на несколько километров!

Как ветерок, неба сынок, вырвались мы, тарахтя, из города в зеленые спокойные места, проехали много миль по широкой равнине, а затем медленно поднялись и углубились в могучие горы. Здесь мы остановились на гладкой, скользкой дороге, которая, смело извиваясь между отвесной скалой и низким парапетом, уходила вверх, высоко, над синевшим вдалеке озером.

– Славная местность, – сказал я.

– Очень красивая. Мы можем назвать ее Осевой дорогой, здесь сломается не одна ось, Гарринька, вот увидишь!

У дороги стояла большая пиния, а на пинии, вверху, мы увидели что-то вроде сколоченной из досок будки, этакую наблюдательную вышку. Густав звонко засмеялся, хитро подмигнул мне своими голубыми глазами, мы поспешно вышли из машины, вскарабкались по стволу и, тяжело дыша, спрятались в будке, которая нам очень понравилась. Мы

нашли там ружья, пистолеты, ящики с патронами. И не успели мы немного остыть и обосноваться в засаде, как с ближайшего поворота уже донесся хриплый и властный гудок большой роскошной машины, она, рыча, ехала по гладкой горной дороге с высокой скоростью. Ружья мы уже приготовили. Это было удивительно интересно.

– Целься в шофера! – быстро приказал Густав, тяжелая машина мчалась как раз мимо нас.

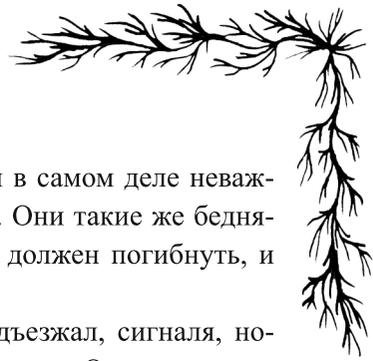
И вот уже я прицелился и выстрелил – в синий картуз водителя. Шофер повалился, машина пронеслась дальше, ударилась о скалу, отскочила назад, тяжело и злобно, как большой, толстый шмель, ударилась о низкую стенку, опрокинулась и, с тихим, коротким треском перемахнув через нее, рухнула в пропасть.

– Готово! – засмеялся Густав. – Следующего я беру на себя.

Вот уже снова летела сюда машина, на сиденьях видны были три или четыре фигурки пассажиров, за одной женской головкой неподвижно и горизонтально плыл конец шарфа, голубого шарфа, его мне, собственно, было жаль, кто знает, не смеялось ли под ним прекрасное женское лицо. Господи, если уж мы играем в разбойников, то было бы, наверно, правильней и красивей следовать великим примерам и не распространять нашей славной кровожадности на прекрасных дам. Шофер дернулся, повалился, машина подпрыгнула у отвесной скалы, отскочила и плюхнулась колесами вверх на дорогу. Мы подождали, ничто не шевельнулось, люди бесшумно лежали под машиной, как в ловушке. Машина еще урчала, хрипела и забавно вращала колесами в воздухе, но вдруг она издала страшный треск и вспыхнула светлым пламенем.

– «Форд», – сказал Густав. – Надо сойти вниз и очистить дорогу.

Мы спустились и осмотрели горящую грудку. Она догорела очень скоро, мы тем временем сделали рычаги из молодых деревьев, затем приподняли ее, оттолкнули и сбросили через парапет с обрыва, после чего в кустах еще долго что-то трещало. Когда мы переворачивали машину, два трупа выпали, теперь они лежали на дороге, одежда обгорела. На одном довольно хорошо сохранился пиджак, я обследовал его карманы в надежде узнать, кто это был. Обнаружил бумажник, в нем визитные карточки. Я взял одну из них и прочел на ней слова: «Тат

твам аси» [[1]].

– Очень остроумно, – сказал Густав. – Но и в самом деле неважно, как зовут людей, которых мы сейчас убиваем. Они такие же бедняги, как мы, имена не имеют значения. Этот мир должен погибнуть, и мы с ним вместе.

Мы бросили трупы вслед машине. Уже подъезжал, сигналив, новый автомобиль. Его мы расстреляли прямо с дороги. Он, пьяно кружась, пролетел еще немного вперед, затем упал и так и улегся, хрипя, один пассажир тихо сидел на своем месте, но целой и невредимой, хотя она была бледна и вся дрожала, вышла из машины красивая девушка. Мы дружески приветствовали ее и предложили ей свои услуги. Она была очень испугана, не могла говорить и несколько мгновений глядела на нас как безумная.

– Что ж, посмотрим сперва, как обстоит дело с этим пожилым господином, – сказал Густав и обернулся к пассажиру, который все еще держался на сиденье позади мертвого шофера. Это был человек с короткими седыми волосами, он не закрыл своих умных светло-серых глаз, но, кажется, сильно пострадал, во всяком случае изо рта у него шла кровь, а шею он держал как-то зловеще косо и неподвижно.

– Разрешите представиться, почтеннейший, меня зовут Густав. Мы позволили себе застрелить вашего шофера. Смеем ли спросить, с кем имеем честь?

Серые глаза старика глядели холодно и грустно.

– Я старший прокурор Леринг, – сказал он медленно. – Вы убили не только моего бедного шофера, но и меня, я чувствую, что дело идет к концу. Почему вы стреляли в нас?

– Вы слишком быстро ехали.

– Мы ехали с нормальной скоростью.

– Что было нормально вчера, сегодня уже ненормально, господин старший прокурор. Сегодня мы считаем, что любая скорость, с которой может ехать автомобиль, слишком велика. Теперь мы ломаем автомобили, все до одного, и другие машины тоже.

– И ваши ружья?

– Дойдет очередь и до них, если у нас останется время на это. Вероятно, завтра или послезавтра мы все погибнем. Вы же знаете, наша

часть света была отвратительно перенаселена. Ну, а теперь дышать будет легче.

– Вы стреляете во всех, без разбора?

– Конечно. Некоторых, несомненно, жаль. Например, этой красивой молодой дамы мне было бы жаль – она, видимо, ваша дочь?

– Нет, моя стенографистка.

– Тем лучше. А теперь, пожалуйста, вылезайте или позвольте нам вытащить вас из машины: машина подлежит уничтожению.

– Предпочитаю быть уничтоженным вместе с ней.

– Как вам угодно. Разрешите еще один вопрос. Вы прокурор. Мне всегда было непонятно, как человек может быть прокурором. Вы живете тем, что обвиняете и приговариваете к наказаниям других людей, в большинстве несчастных бедняков. Не так ли?

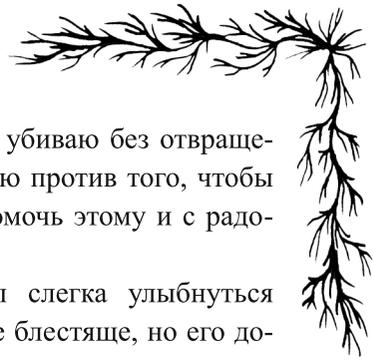
– Да, это так. Я выполнял свой долг. Это была моя обязанность. Точно так же, как обязанность палача – убивать осужденных мною. Вы же сами взяли на себя такую же обязанность. Вы же тоже убиваете.

– Верно. Только мы убиваем не по долгу, а для удовольствия, точнее – от неудовольствия, оттого, что мы отчаялись в мире. Поэтому убийство доставляет нам известное удовольствие. Вам никогда не доставляло удовольствия убийство?

– Вы мне надоели. Сделайте милость, доведите свою работу до конца. Если у вас нет понятия о долге...

Он умолк и перекошил губы, словно хотел сплюнуть. Но вышло лишь немного крови, которая прилипла к его подбородку.

– Погодите, – вежливо сказал Густав. – Понятия о долге у меня правда нет, уже нет. Прежде мне по обязанности приходилось много заниматься этим понятием, я был профессором богословия. Кроме того, я был солдатом и участвовал в войне. В том, что мне казалось долгом и что мне приказывало начальство, ничего хорошего не было, я всегда предпочитал бы делать прямо противоположное. Но если у меня и нет понятия о долге, то зато у меня есть понятие о вине – а это, может быть, одно и то же. Поскольку я рожден матерью, я виновен, я осужден жить, обязан быть подданным какого-то государства, быть солдатом, убивать, платить налоги для гонки вооружений. И сейчас вот, сию минуту, вина жизни снова, как когда-то во время войны, привела

меня к необходимости убивать. Но на этот раз я убиваю без отвращения, я смирился со своей виной, я ничего не имею против того, чтобы этот глупый, закупоренный мир рухнул, я рад помочь этому и с радостью погибну сам.

Прокурор сделал большое усилие, чтобы слегка улыбнуться слипшимися от крови губами. Удалось это ему не блестяще, но его доброе намеренье было заметно.

– Отлично, – сказал он. – Мы, значит, коллеги. А теперь выполните, пожалуйста, свой долг, коллега.

Красивая девушка успела тем временем упасть в обморок у края дороги.

В этот момент снова загудела машина, приближавшаяся на полном ходу. Мы оттащили девушку в сторонку, прижались к скалам и предоставили мчавшейся машине врезаться в обломки другой. Она резко затормозила и стала дыбом, не получив никаких повреждений. Мы быстро схватили ружья и взяли на прицел новеньких.

– Вылезайте! – скомандовал Густав. – Руки вверх! Трое мужчин вылезли из машины и послушно подняли руки.

– Есть ли среди вас врач? – спросил Густав.

Они ответили отрицательно.

– Тогда, будьте добры, осторожно снимите с сиденья этого застрявшего господина, он тяжело ранен. А потом довезите его на своей машине до следующего города. Вперед, взяли!

Вскоре старика уложили в другую машину, Густав скомандовал, и все уехали.

Наша стенографистка успела тем временем прийти в себя и наблюдала за происходившим. Мне было приятно, что нам досталась эта красивая добыча.

– Барышня, – сказал Густав, – вы лишились работодателя. Надо надеяться, больше ни в чем этот пожилой господин не был вам близок. Я вас принимаю на службу, будьте нам хорошим товарищем! Так, а теперь надо поторапливаться. Скоро здесь будет неуютно. Вы умеете карабкаться, барышня? Да? Ну, так давайте же, полезайте между нами, мы вам поможем.

Стараясь не терять ни секунды, мы втроем вскарабкались по де-

реву в нашу будку. Наверху барышне стало дурно, но ей дали хлебнуть коньяку, и вскоре она настолько оправилась, что оценила великолепный вид на горы и озеро и сообщила нам, что ее зовут Дора.

Сразу затем внизу снова появилась машина, которая, не останавливаясь, осторожно объехала лежавший автомобиль, а потом резко увеличила скорость.

– Отлыниваете! – засмеялся Густав и свалил пулей водителя. Машина, поплясав, сделала скачок к парашюту, продавila его и косо повисла над пропастью.

– Дора, – сказал я, – вы умеете обращаться с ружьями?

Она не умела, но научилась у нас заряжать карабин. Сперва у нее не было снаровки, она ссадила до крови палец, заревела и потребовала английского пластыря. Но Густав объяснил ей, что идет война и она, Дора, должна показать, что она смелая, храбрая девушка. И дело пошло на лад.

– Но что будет с нами? – спросила она потом.

– Не знаю, – сказал Густав. – Мой друг Гарри любит красивых женщин; он будет вашим близким другом.

– Но они явятся с полицией и солдатами и убьют нас.

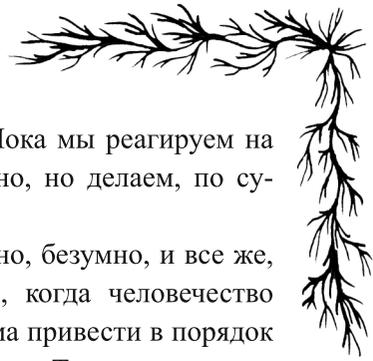
– Полиции и тому подобного больше не существует. У нас есть выбор, Дора. Либо спокойно ждать здесь наверху и расстреливать все проезжающие машины. Либо сесть самим в какую-нибудь машину, уехать отсюда и предоставить другим стрелять в нас. Безразлично, на чью сторону мы станем. Я за то, чтобы остаться здесь.

Внизу опять появилась машина, до нас донесся ее полнозвучный сигнал. С ней мы быстро покончили, и она осталась лежать вверх колесами.

– Смешно, – сказал я, – что стрельба может доставлять такое удовольствие! А ведь раньше я был противником войн!

Густав улыбнулся.

– То-то и оно, слишком много людей на свете. Раньше это не было так заметно. А теперь, когда каждый хочет не только дышать воздухом, но и иметь автомобиль, теперь это заметно. Конечно, то, что мы сейчас делаем, неразумно, это ребячество, да и война была огромным ребячеством. Со временем человечество волей-неволей научится ограничи-

вать свое размножение разумными средствами. Пока мы реагируем на невыносимое положение довольно-таки неразумно, но делаем, по существу, то, что нужно, – уменьшаем в количестве.

– Да, – сказал я, – то, что мы делаем, наверно, безумно, и все же, наверно, это хорошо и необходимо. Нехорошо, когда человечество перенапрягает разум и пытается с помощью разума привести в порядок вещи, которые разуму еще совсем недоступны. Тогда возникают разные идеалы... они чрезвычайно разумны, и все же они страшно насилиуют и обирают жизнь, потому что очень уж наивно упрощают ее. Образ человека, некогда высокий идеал, грозит превратиться в стереотип. Мы, сумасшедшие, может быть, снова облагородим его.

Густав, засмеявшись, ответил:

– Старик, ты говоришь замечательно умно, слушать этот кладезь премудрости отрадно и полезно. И, может быть, ты даже немножко прав. Но, будь добр, заряди теперь свое ружье, ты, по-моему, замечтался. В любой миг может прибежать еще косулька-другая, а их философией не уложишь, нужны как-никак пули в стволе.

Подъехал автомобиль и сразу погиб, дорога была теперь заградена. Тучный рыжеголовый человек, оставшийся в живых, дико жестикулировал возле обломков, глазел вниз и вверх, обнаружил наше укрытие, побежал, рыча, в нашу сторону и выстрелил в нас снизу из револьвера несколько раз.

– Убирайтесь, а то буду стрелять, – крикнул Густав вниз. Рыжий взял его на прицел и выстрелил снова. Тогда мы сразили его двумя выстрелами.

Мы уложили еще две подошедших машины. Затем на дороге стало тихо и пусто, распространилось, видимо, известие о том, что она опасна. У нас было время полюбоваться красивым видом. По ту сторону озера лежал в ложине небольшой город, там поднимался дым, и вскоре мы увидели, как огонь перебегает с крыши на крышу. Слышна была и стрельба. Дора захныкала, я стал гладить ее мокрые щеки.

– Неужели мы все должны умереть? – спросила она. Никто не ответил. Тем временем внизу показался пешеход, увидел лежащие разбитые автомобили, обнюхал их со всех сторон, сунулся, наклонившись, в один из них, вытащил оттуда пестрый зонтик от солнца, кожаную дам-

скую сумку, бутылку вина, мирно сел на парапет, отпил из бутылки, съел что-то из сумки, завернутое в фольгу, допил бутылку до дна, весело пошел дальше с зонтиком под мышкой. Он мирно шагал вперед, и я сказал Густаву:

– Ты бы смог теперь выстрелить в этого славного парня и продырявить ему голову? Видит Бог, я не смог бы.

– Этого и не требуется, – буркнул мой друг.

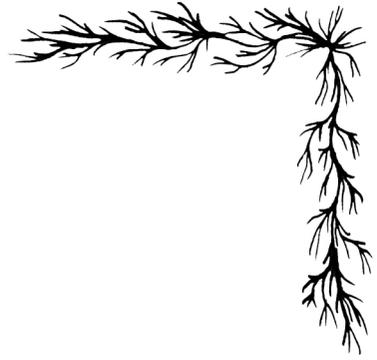
Но и ему стало не по себе. Стоило лишь нам увидеть человека, который еще вел себя бесхитростно, мирно, по-детски, который жил еще в состоянии невинности, как все наши такие вроде похвальные и такие необходимые действия показались нам вдруг дурацкими и отвратительными. Тьфу, пропасть, сколько крови! Нам стало стыдно. Но говорят, что даже генералы испытывали порой на войне подобное чувство.

– Уйдем отсюда, – заныла Дора, – сойдем вниз, в машинах наверняка найдется что-нибудь съестное. Неужели вы не проголодались?

Внизу, в горящем городе, зазвонили колокола – взволнованно и испуганно. Мы приготовились к спуску. Помогая Доре перелезть через загородку, я поцеловал ей коленки. Она звонко рассмеялась. Но тут доски не выдержали, и мы с ней рухнули в пустоту...

Г. Гессе

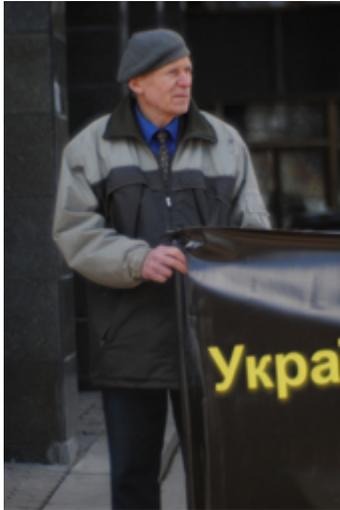
МРК УБЕМК

БДМЖЗ БКНПДОЗ

ОБЪЯВЛЕНИЕ

!

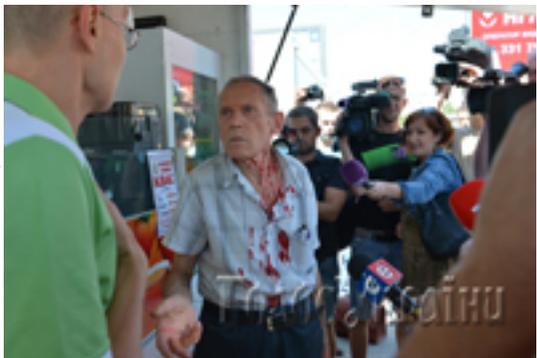
Михайло Юхимович Михалко, відомий київський природоохоронець, у жовтні 2013 р. потрапив до лікарні. Він зламав шийку стегна. Ми збираємо гроші на його лікування.

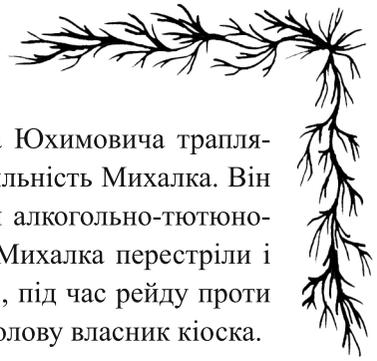
Сестра Михайла Юхимовича Лідія Юхимівна Горбоконь звернулася до міського управління охорони здоров'я, там дали лист підтримки, але неясно, наскільки це допоможе зменшити витрати.

Коротко про Михалка. Народився 11 листопада 1940 р. в Києві, у 80-х рр. був ув'язнений за політичну діяльність, член Спілки політв'язнів, фактично - творець Національного природного парку «Голосіївський». Коли у 1988 р. Голосіївський ліс почали вирубувати під будівництво, організував природоохоронний рух на його захист, очолив громадську «Спілку Порятунку Голосієва», став членом керівництва Української екологічної асоціації «Зелений світ».

Перед пораненням Михайло Юхимович майже доредагував спогади про свою бурхливу діяльність за часів СРСР та пост-СРСР. Будемо допомагати з виданням.

Р. С. Стався прикрий нещасний випадок. Однак

нагадаємо, що насильницькі напади на Михайла Юхимовича траплялися вже двічі. Причина – активна громадська діяльність Михалка. Він бореться зі знищенням зелених зон Києва, проти алкогольно-тютюнового лобі та інших гострих проблем. У 2012 р. Михалка перестріли і вдарили невідомі в районі Мишоловки. У 2013 р., під час рейду проти незаконних кіосків з шаурмою, Михалку розбив голову власник кіоска.

5577212300217703,

androsland@inbox.ru.

+38(044)383-27-41.

+38(097)502-75-51,

" " 2/ 2013/
: . , . , .
, : .
:
: 170 .

e-mail: vz.ukraine@gmail.com

<https://vk.com/vz.ukraine>

ПРИТОН КУБОВИХ ЖОАКРИСМОВ

НОЯБРЬ
2013